

Тимофеев Никита Павлович

Из уголовной хроники
На совести. Психологический очерк

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 159.9
ББК 88
Н62

Н62 **Никита Павлович Т.**
Из уголовной хроники: На совести. Психологический очерк / Тимофеев Никита Павлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 176 с.

ISBN 978-5-519-76699-9

ISBN 978-5-519-76699-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нивъ, очевидно, про ножъ, Ковалевъ полѣзъ за пазуху, вынулъ оттуда небольшой печатанный свертокъ и подалъ его мнѣ.

Я не безъ основанія распросомъ сотскаго хотѣлъ выяснитъ себѣ хотя въ общихъ чертахъ обстоятельства преступленія Аверьяна Павлова.

Ковалевъ былъ его односелецъ; кромѣ того, какъ сотскій, отличался нѣкоторою долею сметки и проницательности, и этими своими качествами нерѣдко оказывалъ мнѣ содѣйствіе въ наиболѣе серьезныхъ дѣлахъ.

Что же касается до увѣдомленія становаго пристава, и дознанія его, доставленнаго мнѣ Ковалевымъ, которое лежало передо мною на столѣ, то я не придавалъ ему особеннаго значенія, увѣренный заранѣе по опыту въ томъ, что не найду въ немъ ничего обстоятельнаго кромѣ голаго и сухаго изложенія одного лишь факта преступленія.

Сотоварищъ мой по службѣ, становой приставъ, былъ въ смыслѣ полиціанта человѣкъ весьма дѣятельный, энергическій исполнитель приказаній своего начальства, но на ряду съ этими качествами, которыя воспитали въ немъ духъ безусловнаго формализма и не допускали въ лицѣ его никакихъ разсужденій, онъ отличался крайне реальнымъ взглядомъ на жизнь, на все его окружающее, и по совѣ-

сти говоря, не могъ считаться особеннымъ знатокомъ человѣческой природы и безпристрастнымъ цѣнителемъ ея духовныхъ сторонъ. Никакихъ отвлеченныхъ понятій, нравственныхъ воззрѣній на поступки людей и объясненій ихъ путемъ душевныхъ потрясеній, проявленій взбудораженнаго сердца, ненормальной воли, онъ не допускалъ и не признавалъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ вы меня извините, нерѣдко говаривалъ онъ мнѣ, въ то время, когда при случайныхъ нашихъ встрѣчахъ, у меня завязывались съ нимъ на эти темы самые злѣйшіе споры,—все это, я вамъ скажу, химера одна-съ, ваши современные судебные порядки—вычуры, одна фантазія-съ и больше ничего. Убилъ человѣкъ другаго—ясно какъ день... плеть ему за то, канальѣ... и куда Макаръ... а вы тутъ сейчасъ его въ чинъ жалуете... нѣтъ-ли де какой психической причины, да то да се... а вѣдь имъ мошеникамъ это на руку, ну какое ужъ тамъ разсужденіе, помилуйте, когда человѣка убилъ...

— Да поймите же, что иногда человѣкъ бываетъ въ такомъ нравственномъ состояніи... начну я бывало оппонировать ему и тщетно.

Онъ немедленно перебивалъ меня и не давалъ докончить.

— Да что вы, у этихъ-то скотовъ мужичья,

у котораго слезу дубиной не вышибешь, какія тамъ хотите вы отыскать нравственныя состоянія... вздоръ-съ, это сущій вздоръ; онъ бы въ своемъ нравственномъ-то состояніи сталъ бы себѣ головою объ печку биться, или объ косячекъ... такъ вѣдь нѣтъ, съ нею не очень-то того... потому больно, а на счетъ чужой головы это ничего... вздоръ, не вѣрю... этакъ по нынѣшнему времени на всѣхъ смотрѣть да судить, такъ настоящихъ-то воровъ да душегубовъ у насъ и не будетъ,—точно съ соболѣзнованіемъ о томъ закончилъ онъ.

Такого рода взгляды проводилъ мой почтенный сослуживецъ и въ своихъ дознаніяхъ.

Онъ всегда подробно обрисовывалъ внѣшнюю обстановку преступленія, но сгруппировывать на ряду съ этимъ такія свѣдѣнія, которыя освѣщали бы дѣло со стороны его внутренняго содержанія, было не въ его правилахъ.

На этотъ разъ, какъ и всегда, онъ остался вѣренъ своему принципу.

Въ сухой и сжатой формѣ излагалъ онъ въ своемъ дознаніи, что Аверьянъ Павловъ, возвратившись изъ Москвы домой, въ село Долгино, на пятыя сутки послѣ того покушался зарѣзать свою жену, для чего обманнымъ образомъ услалъ ее въ поле, будто бы за лошадью, а между тѣмъ, въ слѣдъ за ней,

отправился туда самъ, и заранѣе подготовленнымъ ножомъ нанесъ ей тяжелую рану въ шею, отъ которой она находится въ тяжелой опасности, и „сомнительномъ положеніи на счетъ жизни и здоровья.“

Впрочемъ въ данномъ именно случаѣ, ставшей приставъ нѣсколько измѣнилъ себѣ, и такъ какъ очевидной причины, по которой Аверьянъ Павловъ хотѣлъ лишить жизни свою жену Надежду, по дознанію обнаружено не было, то онъ и сдѣлалъ въ концѣ своего акта выводъ, что вѣроятно это покушеніе обвиняемаго на жизнь своей жены явилось послѣдствіемъ его „злостной и неумѣстной“ ревности, точно будто бы эта „злостность“ ревности, какъ качество усугубляющее ея значеніе и вину, стояла въ зависимости отъ побужденій и воли несчастнаго Аверьяна, дѣло котораго, въ самомъ дѣлѣ, представлялось мнѣ нѣсколько страннымъ, и на первыхъ порахъ не могло найти себѣ и въ моихъ глазахъ никакого, сколько-нибудь правильнаго и разумнаго объясненія.

Изъ донесенія волостнаго старшины, которое было приложено къ акту дознанія, видно было, что Аверьянъ Павловъ 26 лѣтъ, и жена его Надежда Владимірова 23 лѣтъ, жили между собою хорошо, согласно и „миролюбно“ въ домѣ отца послѣдней, Владиміра Ев-

стигнѣва, почтеннаго старика и волостнаго судьи, который отозвался, что зять его, Аверьянъ, жену свою любилъ, дѣтей берегъ, и домъ правилъ какъ „слѣдуетъ быть“, „въ хозяйственномъ положеніи худыхъ дѣловъ за нимъ не замѣчалось, а водки, окромя престольнаго праздника, никогда не пилъ, никакимъ непотребствомъ не занимался, и до жены былъ охочій и желанный.“

Далѣе въ донесеніи старшины значилось, что Аверьянъ Павловъ для заработковъ „былъ отлучившись въ Москву, гдѣ въ артели работалъ пять мѣсяцевъ, на уплату повинностей со своо дома, прислалъ двадцать четыре рубля и три гривны безъ пятака, а жены и своимъ дѣвченкамъ гостинца миткаля на сарафаны къ Свѣтлому празднику, и отписалъ, что будетъ ѡпосля Святой на Красную горку, и такъ вѣрно домой и прибылъ, а на пятый день, надъ своей женой въ полѣ душегубство учинилъ, и можетъ на смерть урѣзалъ бы ее до кожи, да вырвалась она отъ него, и убѣгла къ отцу, а посля и его поймали.“

Для меня, въ интересахъ слѣдствія, прежде всего представлялось весьма существеннымъ узнать, въ какой степени сильная рана нанесена была Надеждѣ Владиміровой, живали она, и вообще въ какомъ находится со-

стояніи, такъ какъ лучшія и единственныя по существу дѣла объясненія по дѣлу могла мнѣ дать, конечно, только она одна, а потому я спросилъ объ ней у Ковалева.

— Ес, ваше благородіе, въ той же часъ въ Зимовскую больницу отправили, отвѣчалъ онъ мнѣ, ну докторъ на ту поръ дома былъ, отецъ ейный сказывалъ, что шею ей зашили, кровь стишили, и значитъ ничего... баринъ дохтырь-то сказали старику, что моль опасностейъ нѣтъ, самое вишь главное-то жилье, гдѣ кровь идетъ примѣрно въ голову, и отъ сердца въ душу, не тронуты, недѣли говорить съ три полежить, и заживетъ...

— А говорить она, Надежда-то? спросилъ я сотскаго.

— Говорить, ваше благородіе, она и на ту поръ говорила, какъ я видалъ ее, только блгимъ голосомъ кричала... извѣстно съ боли... ну и кровищи-то этой съ ней... словно съ телка вышло... страсть сколько.

— Что же она про мужа-то небось поминала, за что онъ ее хотѣлъ зарѣзать? спросилъ я Ковалева.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ничего такого не было, а только слезми плачетъ... сама-то шею рукою держать... за что говорить онъ, постылый, мнѣ это сдѣлалъ... кабы, говорить, что промежь насъ было, а то на тебѣ, ничего... на дѣвчонокъ она сокру-

шается больше... ну какъ умру, говорить... безъ матери-то они сиротами останутся...

На сколько я могъ убѣдиться изъ словъ сотскаго, поступокъ Аверьяна Павлова съ его женою представлялся для всѣхъ трудно объяснимымъ, такъ какъ никто не могъ дать себѣ отчета, почему это онъ вздумалъ порѣшить съ своею женою въ то время, когда въ отношеніяхъ ихъ между собою, мѣстное населеніе не замѣчало ничего такого, что свидѣтельствовало бы о ихъ взаимной нелюбви и непріязни другъ къ другу.

Всякія предположенія по этому поводу въ мѣстномъ населеніи были тѣмъ болѣе невозможны, что на все село было извѣстно, что „Верьянъ жанѣ и своимъ дѣвченкамъ съ Москвы на праздникъ миткалю на сарафаны прислалъ.“

А это ли въ глазахъ всякаго простолюдина не было самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что Аверьянъ любилъ свою жену и не питалъ къ ней нерасположенія?

— А что, обратился я, между прочимъ къ сотскому Ковалеву,—не знаешь ты, не ревновалъ ли Аверьянъ къ кому-нибудь свою жену? Можетъ быть онъ ее послѣ себя въ чемъ-нибудь замѣтилъ? добавилъ я, дѣлая этотъ вопросъ единственно лишь на основаніи того предположенія, о „злостной и неумѣстной“

ревности его, о которой было упомянуто въ сообщеніи становаго пристава.

— Про эфти дѣла, ваше благородіе, за ней ничего не слыхать, отвѣчалъ мнѣ Ковалевъ, совершенно убѣдительно,—баба она хошь и молодая, а смиренная и степенная, и чтобы за ней худоба какая, ни-ни не слыхать, ну и примѣрно съ семьи она тоже не какой ни на есть, а хорошей, и въ дѣвкахъ-то жила—про нее слова дурнаго не было... Баба одно слово въ порядкѣ, и супротивъ мужнина закона, грѣхъ что сказать, добавилъ сотскій.

— А сердита она очень на мужа? спросилъ я его, думая этимъ вопросомъ затронуть именно нравственную и болѣе сокровенную сторону дѣла.

— Какъ не сердиться, такое дѣло! Жизнь-то своя и то сказать не чужая... По глоткѣ-то онъ ее полоснулъ здорово... кабы баба за собой что знала... а то тоже обидно... Не могу, говорить, теперь на него, постылаго, смотрѣть, и къ попу ладить и на волостной судъ идти, объявку хочетъ подать... что значить отъ мужа за такое дѣло отрекается... знать его не хочетъ.

Отвѣтъ послѣдовалъ не такой, какого я ожидалъ.

Мнѣ думалось, что и сама Надежда Владимірова, будучи поражена неожиданностью такого поступка съ ней мужа, не въ состоя-

ни будетъ за отсутствіемъ разумной причины къ объясненію его, смотрѣть на своего Аверьяна такъ зло и враждебно, какъ объяснялъ мнѣ сотскій.

Вѣдь могла же и ей явиться, думалось мнѣ, мысль о томъ, что онъ сдѣлалъ это не со зла. Впрочемъ, я забывалъ, разсуждая такъ, что Надежда Владимірова была все-таки простая, неразвитая баба, не чуждая, можетъ быть, извѣстныхъ человѣческихъ чувствъ, но лишенная, конечно, того нравственнаго инстинкта, и умственнаго созерцанія и объясненія тѣхъ или другихъ видимыхъ душевныхъ проявленій, которыя даются только развитіемъ ума и воли, воспитаніемъ человѣка, соприкосновеніемъ его съ духовною стороною жизни и ея многоразличныхъ симптомовъ.

Самъ сотоварищъ мой становой приставъ отвергалъ ихъ безусловно, и называлъ „судебными вычурами“, въ правѣ ли же я былъ послѣ того ожидать ихъ отъ Надежды Владиміровой...

Но за то я могъ быть увѣренъ въ томъ, что въ лицѣ ея я получу вполне честное правдивое отношеніе къ дѣлу, по крайней мѣрѣ въ той видимой реальной сторонѣ его, которую она къ несчастію слишкомъ осязательно должна была вынести и испытать на своей собственной шеѣ.

Я приказалъ . ввести къ себѣ Аверьяна Павлова.

Сотскій вышелъ въ сѣни и вслѣдъ затѣмъ тамъ поднялась возня.

Она объяснилась очень просто: десятскіе приступили къ распутыванію веревки, которою Аверьянъ былъ связанъ по рукамъ и кругомъ туловища, и которая затянулась своего рода гордіевымъ узломъ, не уступавшимъ ни усиліямъ рукъ ихъ, ни пущеннымъ потомъ въ ходъ зубамъ десятниковъ.

А старикъ сотскій зналъ мою привычку, видѣть всегда передъ собою приводимыхъ ко мнѣ арестантовъ „отпущенными“, и не рѣшался ввести ко мнѣ Аверьяна въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ отправленъ изъ становой квартиры моего почтеннаго сослуживца, не любившаго никому дѣлать „потачекъ“, и потому относившагося вообще къ преступникамъ съ крайнею суровостью.

Тихо и робко какимъ-то неслышнымъ шагомъ, съ понуренною внизъ головою, вошелъ, наконецъ, ко мнѣ Аверьянъ Павловъ въ сопровожденіи сотскаго, и остановился чуть не на самомъ порогѣ двери, такъ что сотскій слегка продвинулъ его впередъ.

Аверьянъ выглядывалъ далеко не кровнымъ злодѣемъ, а выраженіе его несчастнаго лица, на которомъ отпечатлѣлись тяжелыя мысли о